

Сообщения, заметки, рецензии

ВИДЕТЬ И ВЕРИТЬ¹

О бесконечных попытках примирить науку и религию и о том, почему они обречены на провал

Рецензия на книги: *Giberson K. Saving Darwin: How to be a Christian and Believe in Evolution* (HarperOne, 2008); *Miller K. Only a Theory: Evolution and the Battle for American's Soul* (Viking, 2008).

I

Чарльз Дарвин родился 2 февраля 1809 г., в один день с Авраамом Линкольном, а 50 годами позднее опубликовал свой magnum opus «Происхождение видов». С тех пор каждые полвека празднуется Год Дарвина – в честь его теории эволюции через естественный отбор, которая определенно является наиважнейшей концепцией в биологии и, вероятно, самой революционной научной идеей в истории человечества. Такой год наступил и ныне, и мы, биологи, готовы отмечать его по всей планете, читая лекции и проводя дарвиновские фестивали – «Дарвинфесты». Печальная же сторона событий состоит в том, что при этом мы обращаемся больше к другим ученым, нежели к американской общественности. Потому что в этой стране у Дарвина плохая репутация. Идеи, сделавшие теорию Дарвина столь революционной, – это как раз те идеи, которые отталки-

---

¹ Coyne, J.A. Seeing and Believing // New Republic. – 2009 – Feb. 4. Перевод с английского В.В. Целищева.

вают религиозную Америку, потому что из них следует, что наш вид является случайным и непредвиденным результатом чисто естественного процесса. И, таким образом, он весьма далек от божественно предписанной ему роли в драме жизни.

И по этой причине продолжаются культурные войны между наукой и религией. На одной стороне мы имеем научный истеблишмент и судебную систему, которая постановила учить детей эволюционной концепции, а не религиозной мифологии, а на другой – многих американцев, яростно сопротивляющихся этим усилиям. Печальным фактом является то, что 74% американцев верят в существование ангелов и только 25% признают, что мы произошли от обезьяноподобных предков. Лишь один из восьми американцев полагает, что в школе на уроках биологии эволюцию следует изучать, не рассматривая креационистскую альтернативу. Среди 34 западных стран, обследованных в плане того, насколько в них принимается учение об эволюции, Америка занимает ничтожное 33-е место, опережая лишь Турцию. По всей Америке школьные советы стараются потопить учение об эволюции или разбавить его креационизмом. И к противникам дарвинизма относятся не только «заклинатели змей» библейского пояса в США, – нет, среди них есть и те, кто рядом с нами. Как отмечает Карл Гиберсон в книге «Спасая Дарвина», «у многих американцев есть соседи, которые полагают, что Земле всего лишь десять тысяч лет».

Культурная поляризация в Америке усугубляется атаками на религию со стороны «новых атеистов» – таких авторов, как Ричард Докинз и Дэниел Деннет, являющихся несгибаемыми дарвинистами. Взбешенные религиозные лидеры, у которых эволюционная биология ассоциируется с атеизмом, контратакуют. Этот раскол огорчает либеральных теологов и религиозных ученых, которые возобновили свои усилия в примирении науки и религии. Под «наукой» почти всегда подразумевается эволюционная биология, которая куда более спорна, чем любая область химии или физики. Фрэнсис Коллинз, руководитель проекта «Геном человека», написал книгу «Язык Бога: Ученый представляет доказательства в пользу веры». Философ Майкл Рьюз опубликовал книгу «Может ли дарвинист быть христианином?» (на этот вопрос он дает утвердительный ответ). А есть еще и весьма заметные книги теологов, например Джона Хота и Джона Полкингхорна. Фонд Темплтона выдает довольно хорошие гранты на проекты, посвященные примирению науки и религии, и

почти каждый год присуждает 2 млн долл. ученому или философу, в чьих работах на первый план выдвигается «духовная сторона научного прогресса». Национальная академия наук, наиболее престижная научная организация Америки, выпустила памфлет, заверяющий нас в том, что можно быть одновременно и дарвинистом, и верующим: «Наука и религия обращаются к различным аспектам человеческого опыта. Многие ученые красноречиво писали о том, как их научные исследования биологической эволюции скорее обогатили их религиозные воззрения, чем их уменьшили. А многие верующие, представляющие самые разные конфессии, принимают научные свидетельства в пользу эволюции».

Но все это было бы слишком просто! Верно, что есть верующие ученые и прихожане-дарвинисты. Но это вовсе не означает, что наука и вера совместимы, за исключением того тривиального смысла, что обе позиции могут одновременно присутствовать в одной голове. (Это напоминает ироническое замечание, что женитьба и адюльтер совместимы, потому что некоторые женатые люди изменяют супругам.) Верно также, что некоторые трения ослабляются, когда отвергается буквальное толкование Библии, которое свойственно наиболее примитивному иудейско-христианскому мироощущению. Но трения остаются. Подлинным вопросом является вопрос о том, существует ли *философская* несовместимость между религией и наукой. Противоречит ли эмпирическая природа науки природе религиозного откровения? Настолько ли велика пропасть между наукой и религией, что эти два института должны рассматриваться как существенно антагонистические? Неиссякаемый поток книг на такого рода темы говорит о том, что вопрос этот не столь прост.

Самый простой способ привести к согласию науку и религию состоит в том, чтобы переопределить их так, чтобы одна включала в себя другую. Мы можем, например, заявить, что «Бог» – это просто имя, которое мы даем порядку и гармонии во вселенной, законам физики и химии, красоте природы и т.п. Это натуралистический пантеизм Спинозы. Его самым знаменитым приверженцем был Эйнштейн, которому часто (и неправильно) приписывали веру в личностного Бога: «Самое прекрасное ощущение, которое мы можем испытывать, – это тайна. Это самая фундаментальная эмоция, стоящая у колыбели всех истинных наук и искусств. Тот, кому чужды эти эмоции, кто больше не испытывает удивления и неподвластен

благоговейному страху, подобен мертвецу, задутой свече. Ощущение, что за всем, что может быть предметом опыта, стоит нечто, непостижимое для нашего ума, чья красота и величественность открываются нам лишь частично, и есть религиозность. В этом и только в этом смысле я благочестивый религиозный человек».

Но огромная проблема с таким «примирением», в котором наука не столько вступает в брак с религией, сколько переваривает ее, состоит в том, что подобное примирение полностью исключает Бога, по крайней мере Бога монотеистических религий, который проявляет интерес к вселенной. А это неприемлемо для большинства верующих. Посмотрите на цифры: 90% американцев верят в личностного Бога, который вмешивается в мир, 79% верят в чудеса, 75% – в рай и 72% – в божественность Иисуса. В своей первой популярной книге «В поисках дарвиновского Бога» Кеннет Миллер напал на пантеизм по той причине, что тот «растворяет религию до полной бессмысленности». И он прав.

Существенные усилия по примирению науки и веры должны начинаться с осознания того, как их в действительности понимают и практикуют люди. Вы не можете переопределить науку так, чтобы она включала в себя сверхъестественное, как это сделал в 2005 г. Канзасский комитет по образованию. Вы также не можете рассматривать «религию» как философию либеральных теологов, которая, не одобряя идеи личностного Бога, часто лишь на самую малость отстоит от пантеизма. В конце концов, цель заключается не в том, чтобы превратить верующих в либеральных теологов, а в том, чтобы показать им, как соединить их нынешние верования и научные истины. Теологи иногда предлагают примирение посредством натуралистического деизма – идеи, согласно которой творение вселенной (и, вероятно, законов физики) было результатом прямой работы божества, которое, создав вещи, предоставило их самим себе, вмешиваясь вновь в природу или историю. Для верующих этот вариант примирения был и остается еще более проблематичным, чем пантеизм: он не только отрицает чудеса, непорочное зачатие, услышанные молитвы и всю космологическую систему христианства, иудаизма, ислама, индуизма и большей части буддизма, но также поднимает вопрос о том, откуда же взялся сам Бог.

Нет, правильное решение должно гармонизировать науку с теизмом, – это должна быть концепция трансцендентного и вечного бога, который, тем не менее, напрямую вовлечен в мирские дела и

обращает особое внимание на подлинный объект божественного творения – homo sapiens. И таким образом, мы имеем Карла Гиберсона и Кеннета Миллера, ученых-теологов и авторов занимательных книг, которые опровергают то, что они полагают ложным примирением, – теорию разумного устройства и предлагают свои собственные решения. Гиберсон является профессором физики Восточного назаритянского колледжа – христианского высшего учебного заведения, написавшим три книги о противоречиях между наукой и религией. Он бывший редактор журнала «Наука и дух», издаваемого Фондом Темплтона. (Издание книги «Спасая Дарвина» было финансировано этим же фондом.) Кеннет Миллер, специалист по биологии клетки, работающий в Университете Брауна, – один из наиболее ревностных и искусных защитников эволюции в спорах с креационистами. Он также является видным католиком. Новая книга Миллера «Только теория» представляет собой переработанную «В поисках дарвиновского Бога». В обеих книгах не только дается уничтожающая критика теории разумного устройства, но и предлагается искать Бога в эволюционном процессе.

Вместе эти две книги – «Спасая Дарвина» и «Только теория» – представляют собой дидактическое изложение доктрин и течений современного креационизма, причем в первой рассматривается история креационизма, а во второй – его ложные тезисы. Если бы их авторы на этом и остановились, эти их книги стали бы источником подлинной тревоги в отношении опасностей, с которыми сталкиваются американская наука и культура. Но в конце концов их искренние и мучительные усилия обнаружить в эволюции десницу Бога привели их к решениям, едва ли отличающимся от креационизма, который они считают предосудительным.

II

Как утверждает сам Гиберсон, история креационизма в Америке сама была эволюционным процессом, направляемым естественным отбором. После каждого судебного иска к креационистам за нарушение Первой поправки к Конституции появлялась модифицированная версия креационизма, в которой религиозная составляющая становилась все меньше и которая все больше рядилась в научные одежды. С течением времени это движение отпочковалось от прямолинейного библейского креационизма и стало «научным креа-

ционизмом», в котором именно научные факты должны были подтверждать религиозные истории вроде историй о происхождении мира и Ноевом ковчеге, а затем оно превратилось в теорию разумного устройства (РУ), которая была уже полностью очищена от библейского налета. Но ничто из этого не могло провести суды. В 2005 г. федеральный судья в г. Харрисбурге штата Пенсильвания дал отпор попыткам ввести в школьные программы курсы по РУ, охарактеризовав этот предмет как скрытый креационизм и назвав его сторонников лжецами. (Миллер был важным свидетелем на процессе, поддерживавшим обвинения против РУ.) Но конечно, это не решило ситуации. Креационисты вернулись, апеллируя к нашему желанию честной игры, призывая в школах «учить спорам», и неважно, что споры вокруг эволюции являются не научными, а социальными и политическими.

Самое удивительное здесь, – это то, как близко креационисты подошли к дарвинизму. Видный сторонник РУ Майкл Бее, профессор Университета Лихай (и свидетель защиты в процессе, проходившем в Харрисбурге) согласен с тем, что возраст Земли – миллиарды лет, что имела место эволюция и некоторые ее процессы были результатом естественного отбора, что многие виды имеют общих предков. С точки зрения Бее, роль Бога в развитии жизни могла бы состоять в том, чтобы создавать мутации путем отщипывания последовательностей ДНК при необходимости создания новых мутаций и видов. На самом деле, Бее купился на все, кроме хвоста дарвиновского борова.

И все же есть другие формы креационизма. Многие сторонники РУ являются также «креационистами, разделяющими идею молодой Земли», принимая основанное на Библии утверждение, что Земле всего 6 тыс. лет. (В Музее креационизма в Кентукки, который принадлежит евангелисту Кену Хэму и стоит 27 млн долларов США, трицератопс изображен под седлом!) Есть те, кто полагает, что расселение животных на нашей планете объясняется Ноевым ковчегом. А есть и те, кто утверждает, что тогда как некоторые виды возникли в ходе эволюции, другие были сотворены Богом. Вполне понятно, что креационисты предпочитают затушевывать эти расхождения, что ведет к ошибочному заключению о философском единстве креационизма.

Но независимо от их взглядов, всем креационистам свойственны четыре особенности. Во-первых, все они истово верят в Бога.

Никто не удивляется этому, за исключением тех, кто полагает, что РУ имеет секулярную основу. Во-вторых, они говорят, что Бог чудодейственным образом участвует в развитии жизни, создавая каждый вид с самого начала или же вмешиваясь время от времени в дарвиновский процесс. В-третьих, они согласны в том, что одним из таких вмешательств было сотворение человека, который никак не мог произойти от человекообразных обезьян. Это, конечно, отражает иудейско-христианское представление о том, что человек создан по образу Божьему. В-четвертых, все они являются приверженцами одного аргумента, называемого «несводимой сложностью». Он состоит в том, что некоторые виды (или некоторые свойства некоторых видов) слишком сложны, чтобы возникнуть дарвиновским путем, и, следовательно, они должны были возникнуть благодаря Богу. Например, свертывание крови у позвоночных представляет собой сложную последовательность реакций энзимов, включая 20 протеинов, которые взаимодействуют друг с другом, приводя к полному свертыванию. Если что-то будет упущено, кровь не свернется. Как же такое сложное явление могло возникнуть вслепую?

Легко, говорит Миллер. В своей уничтожающей критике РУ он серьезно рассматривает «научные» положения РУ и показывает, что они ведут к нелогичным заключениям. Ясным и живым языком он рассказывает, что сложные биохимические пути обмена были вымощены на основе простейших протеинов, которые прежде имели другие функции, но затем были организованы новым образом. И РУ оказывается просто аргументом, который можно назвать «Богом без белых пятен», – представлением о том, что если мы не постигаем явление полностью, то должны опустить руки, оставить исследования и молиться Богу. Для ученых это означает предписание покончить с наукой в пользу вечного невежества.

Миллер блестяще обнажает подлинную сущность РУ: это мешанина теологических утверждений и дискредитированных научных притязаний, предназначенных для протаскивания религиозных взглядов на жизнь в школьные классы. Сторонники РУ не имеют определенной программы научных исследований. Потратив чудовищные суммы на пиар, они не предъявили ни единой ссылки на научные реферированные работы, подкрепляющие эмпирические утверждения их «теории». Миллер справедливо заключает, что «гипотеза о замысле совместима с любыми мыслимыми данными, не позволяет делать новые проверяемые прогнозы и не предлагает новые

направления исследований». Одно из самых пронизательных замечаний Миллера состоит в том, что РУ включает представления не только о замысле, но также и о сверхъестественном творении. В конце концов, замысливший творение должен сделать больше, чем просто вообразить себе новые создания, – он должен также поместить их на Землю. И если это не креационизм (ярлык, гордо отвергаемый сторонниками РУ), я не знаю, что это такое.

Что касается Гиберсона, то, с его точки зрения, РУ – это не просто плохая наука (и более строго, вообще не наука), это еще плохая и теология: «Мир – сложное место, и во вселенной есть много такого, чего мы еще пока не понимаем. Пройдет множество столетий, пока мы не восполним пробелы в нашей научной понимании естественного мира... Но восполнять эти пробелы – дело науки, а главным стремлением в теологии долгое время было и остается нахождение лучшего места для поисков Бога... Продвижение “замысла” отдельно от других атрибутов Бога – это опасный и крайне саморазрушительный способ возвращения Бога в науку».

Вместо примирения науки с религией РУ обостряет их конфликт, тем самым подвергая опасности и ту, и другую. Вот почему столь много теологов, так же как и ученых, свидетельствуют в суде против РУ.

Если теория РУ ужасающе провалилась как наука, почему же множество людей продолжают продавливать преподавание РУ в школе? Очевидный ответ состоит в том, что РУ сохраняет наш статус как любимого творения Бога и тем самым наполняет вселенную целью и смыслом, а вот эволюция не делает ни того, ни другого. Иными словами, РУ, подобно всем другим формам креационизма, есть расширение религии. Это видят все судьи, рассматривающие подобные дела после «Обезьяньего процесса», состоявшегося в 1925 г. Любопытно, однако, что и Гиберсон, и Миллер избегают обсуждения этого вопроса при выявлении корней креационизма. Вместо того чтобы выделить здесь религию, они очерняют два секулярных движения: популизм и атеизм.

С точки зрения Миллера, чисто американская разновидность грубого индивидуализма и недоверия к власти имеет противоречивые следствия. Во-первых, это привело к научному превосходству Америки. Миллер отмечает, что в последние три десятилетия американцы получили 60% всех Нобелевских премии в науке. «Есть ли

что-либо в американском характере, что посеяло бы семена этого конфликта [эволюция против креационизма] и обеспечило бы благодатную почву для его развития? Я полагаю, что есть, и не стыжусь этого. На самом деле, я чертовски горжусь этим... Американцы – величайшая в мире научная нация... Непочтительность – вот в чем ключ. В этом причина того, что наша страна приняла науку в свои объятия, и вот почему Америка служит маяком для ученых всего мира. Здоровая непочтительность к власти есть часть американского характера, и она пронизывает все наши институты, включая институты науки. Ученым в этой стране, независимо от того, являются ли они уроженцами Америки или нет, позволено мечтать о революционных открытиях, и эти мечты сбываются в этой стране чаще, чем в любой другой».

Но это оружие обоюдоострое. «Если бунт и неуважение к авторитетам и в самом деле являются частью американского таланта в науке, тогда что мы должны думать об антиэволюционном движении? Одна часть анализа вполне ясна. Желание американцев отвергнуть утвердившийся авторитет играет центральную роль в том, что местные активисты ухитряются проталкивать идеи научного креационизма и РУ в местные школы».

Гиберсон согласен с этим: «Американцы никогда не стремились к тому, чтобы ими управляла интеллектуальная элита. Аргументы от простого здравого смысла, высказанные человеком, которому вы доверяете, значат для вас гораздо больше, чем помпезные заявления всех этих университетских яйцеголовых. Американцы – это нация, которая любит ковбоев, и ковбоям никогда не были нужны эксперты, которые будут указывать им, как думать».

Но обязаны ли мы нашему лидерству в науке сидящему внутри нас Джону Уэйну? Ясно, что есть и другие, в равной степени американские, факторы: свобода от религиозных преследований и деньги. Наше научное сообщество невероятно обогатилось недавними иммигрантами, особенно евреями, которые бежали от нацистов. Более важно то, что после Второй мировой войны наше правительство начало финансировать научные исследования в огромных темпах, и именно это привлекло армию иностранных ученых. И хотя мы с тех пор первенствуем в количестве Нобелевских премий, до этого нас полностью затмевала Европа. До 1930 г., например, американцы получили только четыре Нобелевские премии во всех науках, а 29 уш-

ло в Германию и 15 – в Англию. А ведь немцев и англичан вряд ли можно упрекнуть в “неуважении к властям”»!

Сопrotивление идеям эволюции в Америке никак не связано с популизмом. Наши вспльчивые крестьяне не имеют ничего против черных дыр и теоремы Ферма. Их гнев обращен на единственный научный предмет – эволюцию, и этому есть объяснение. Факты таковы: вы можете найти религию без креационизма, но никогда не обнаружите креационизма без религии. Миллер и Гиберсон уклоняются от этого простого наблюдения. Их пренебрежение действительным источником креационизма непростительно, но вполне понятно: книга, направленная на то, чтобы примирить эволюцию и религию, вряд ли может порицать верующих.

Тем не менее, по-видимому, вполне приемлемо порицать неверующих. Для Гиберсона и Миллера главными агрессорами в «научных войнах» являются атеисты. Книги «новых атеистов», говорят они, распалют страсти у умеренных верующих, которые, не будь этих книг, сочувственно относились бы к эволюции, и загоняют этих умеренных в угол креационизма. В книге «В поисках дарвиновского бога» Миллер объясняет: «...Я полагаю, что по большей части проблема связана с присутствием в научном сообществе атеистов, которые привычно привлекают материалы эволюционной биологии в поддержку [sic] своих философских взглядов». И Гиберсон соглашается: «Критики креационизма часто грубы и полны презрения и часто при обсуждении проблемы выходят за пределы истинности тех или иных положений о естественной истории Земли... Эти славные критики креационизма не замечают, что креационисты также привержены христианству, и многие из них разумны, доброжелательны и руководствуются самыми лучшими побуждениями. Вдумчивые христиане чувствуют что-то неискреннее в потасовке, где дубасят друг друга аргументами по поводу науки».

Так что препятствием к пониманию является не религия, а эти самые агрессивные атеисты-эволюционисты, которые никак не хотят замолчать. Но посмотрим вот на что: именно Ричард Докинз больше, чем кто-либо другой, убедил людей в реальности и силе эволюции. Было бы верхом остроумия заявить, что если бы он и его собратья-интеллектуалы просто прекратили свои атаки на религию, то креационизм исчез бы.

Гиберсон выдвигает еще одно обвинение против эволюционных биологов. Многие из нас, говорит он, рассматривают свою нау-

ку как религию, как своего рода поклонение Дарвину, преследующее целью объяснение всего, включая смысл, цель, этику и саму религию: «Идея о том, что наука сама по себе должна быть религией, течет как подземная река, пронизывая сочинения таких популяризаторов, булькая и пуская пузыри на поверхность всякий раз, когда возникают разговоры типа всеобъяснения». И все же некоторые ученые (и ученые сочинители) выкинули за борт эволюционную психологию, утверждая, что дарвинизм может объяснить любой факт человеческого поведения. Но ни один серьезный ученый не хочет, чтобы учение об эволюции стало чем-то вроде религии или хотя бы источником этики или ценностей. Это означало бы отказ от нашего главного инструмента в понимании природы – подтверждения эмпирических гипотез эмпирическими данными. У нас нет «веры» в дарвинизм в том смысле, в каком другие верят в Бога, и мы не считаем Дарвина непогрешимым авторитетом типа Папы Бенедикта XVI или же аятоллы Хомейни. Действительно, начиная с 1859 г. было опровергнуто весьма значительное число дарвиновских идей. Как и все науки, теория эволюции отличается от религии, потому что она постоянно проверяет свои предположения и отбрасывает те, которые оказываются ложными.

III

В своей ранней книге «В поисках дарвиновского Бога» Миллер провозглашает универсальный теизм: «Вспомним еще раз, что религиозные люди верят, что их Бог активен в сегодняшнем мире, где Он работает в согласии с натурализмом физики и химии». Гиберсон согласен с этим. И где же они обнаруживают вмешательство Бога в природу? Естественно, в появлении людей.

Гиберсон и Миллер утверждают, что эволюция человека (или что-то вроде этого) была неизбежной. Принимая во внимание то, как работает эта эволюция, говорят они, становится ясно, что животный мир неизбежно приведет к виду, который является сознательным, в высшей степени разумным и, кроме того, способным к предчувствованию своего создателя и поклонению ему. Этот вид не должен был бы быть обязательно полностью похож на человека, но он должен был бы иметь нашу утонченную ментальность (назовем этот вид «гуманойдом»). Одна из глав в книге Миллера даже названа «Мир, который знал о нашем приходе». Гиберсон замечает, что

«способности, например, к зрению и разумности столь важны для организма, что большинство биологов, если не все из них, верят, что эта способности должны, вероятно, возникать при любом нормальном эволюционном процессе... Поэтому как может эволюция быть полностью случайной, если такие тонкие конечные цели предсказуемы?»

Читая подобное, многие биологи удивляются, как можно быть уверенным в этом. В конце концов, эволюция есть случайный процесс. Способ, каким естественный отбор формирует виды, зависит от непредсказуемых изменений в климате, от случайных физических событий вроде падения метеоритов и извержений вулканов, от редких и случайных мутаций и от того, каким видам посчастливилось выжить при массовом вымирании других. Если бы, например, 65 млн лет назад на Землю не упал бы большой метеорит, приводя к вымиранию динозавров и тем самым дав толчок развитию млекопитающих, последние до сих пор были бы мелкими ночными насекомоядными животными, охотящимися за сверчками.

Эволюционисты давно оставили идею, что существует неизбежное эволюционное движение в направлении все большей сложности, кульминация которого заключается в человеке. Верно, что средняя сложность всех видов увеличивалась в последние 3,5 млрд лет эволюции, но это по той причине, что жизнь началась с простой реплицирующейся молекулы и единственный путь от нее состоял в увеличении сложности. Но сейчас сложность не всегда поощряется естественным отбором. Если вы, например, паразит, то естественный отбор сделает вас менее сложным, потому что вы живете за счет других видов. Ленточный червь возник из обычных червей, и в ходе эволюции утратил собственную пищеварительную систему, нервную систему и большую часть репродуктивного аппарата. Как я говорю своим студентам, ленточные черви стали просто впитывающим мешком гонад, так же как в значительной степени и сами студенты. И все же ленточные черви в высшей степени приспособлены к паразитическому образу жизни. Не всегда нужно платить за то, чтобы стать умнее. Когда-то у меня был домашний скунс, который был вполне мил, но туповат. Когда я упомянул о моем впечатлении ветеринару, он поставил меня на место: «Он глуп? Черт возьми, он превосходно приспособлен к тому, чтобы быть скунсом!». Разумность достигается определенной ценой: вам нужно произвести и сохранять лишнюю массу мозгов, и завести свой метаболизм так, что-

бы он поддерживал эти мозги. И иногда это слишком большая плата. Более умный скунс не был бы более приспособленным скунсом.

Чтобы поддержать идею о неизбежности появления человека, Гиберсон и Миллер подключают понятие эволюционной сходимости. Идея проста: виды часто адаптируются к окружающим условиям через независимое возникновение подобных свойств. Ихтиозавры (древние морские рептилии), морские свиньи и рыбы возникли в воде независимо друг от друга, и через естественный отбор все они приобрели плавники и обтекаемую форму. Сложные глаза появились как у позвоночных, так и у кальмаров. Арктические животные, такие как белые медведи, арктические зайцы и снежные совы, либо вообще белые, либо белые зимой, что позволяет им скрываться от хищников или обманывать добычу. Вероятно, наиболее удивительным примером конвергенции является сходство между некоторыми видами сумчатых млекопитающих, обитающих в Австралии, и плацентарными млекопитающими, которыми расселены повсюду. Сумчатый летучий поссум выглядит и ведет себя так же, как летучая белка в Новом свете. Сумчатые кроты с их сниженным зрением и большими когтями для рытья нор как две капли воды похожи на плацентарных кротов. До того как в 1936 г. вымер тасманийский волк, он выглядел и вел себя, как плацентарный волк.

Конвергенция говорит нам об эволюции нечто очень важное. Прежде должны были существовать «ниши», или способы жизни, которые вызывают одинаковые эволюционные изменения у приспособляющихся к ним неродственных видов. Это значит, что имея вначале различных предков и будучи движимым различными мутациями, естественный отбор может, тем не менее, формировать весьма похожие тела – пока эти изменения улучшают способности к выживанию и репродукции. В море были ниши для рыбоядных млекопитающих и рептилий, и вот морские свиньи и ихтиозавры приобрели обтекаемые формы. В Арктике животные улучшают свои шансы на выживание, если зимой становятся белыми. И ясно, что должна быть ниша для небольших всеядных млекопитающих, которые планируют с дерева на дерево. Сходимость представляет собой одну из наиболее впечатляющих черт эволюции, и она весьма распространена: существуют сотни случаев сходимости.

Все это используется для аргументации о неизбежности появления гуманоидов, а соответственно, и для заключения, что была «ни-

ша для гуманоидов», т.е. способ жизни, требующий высокого интеллекта и утонченного самосознания, и что эта ниша оставалась незаполненной до тех пор, пока ее неизбежно не заняли предки человека. Но было ли заполнение неизбежным? Миллер утверждает, что это так: «Но поскольку жизнь шаг за шагом исследовала адаптивное пространство, могли ли мы быть уверены, что наша ниша не будет занята? Я бы настаивал на том, что можно быть вполне уверенными, что она была бы занята: случайная эволюция произвела бы разумное, самоосознающее, рефлексирующее создание, наделенное нервной системой, достаточно крупной, чтобы решать те же вопросы, которые стоят перед нами, и способное раскрыть тот самый процесс, который привел к его созданию, – процесс эволюции... Все, что мы знаем об эволюции, говорит о том, что рано или поздно мы должны были попасть в эту нишу».

Миллер и Гиберсон вынуждены принять такой взгляд по очень простой причине. Если мы не можем доказать, что эволюция, приводящая к появлению гуманоидов, была неизбежна, тогда примирение теории эволюции и христианства терпит крах. Потому что если бы мы действительно были у Бога особым объектом творения, то нашей эволюции не было бы дано ни единого шанса. (Не может быть несущественным то обстоятельство, что хотя католическая церковь принимает большую часть учения Дарвина, она делает официальное исключение для эволюции *Homo sapiens*, чья душа была сотворена Богом и в некоторый момент помещена в человеческий род).

Трудность состоит в том, что большинство ученых не разделяют уверенности Миллера. Причина заключается в том, что эволюция не является воспроизводимым экспериментом. Мы не можем вновь и вновь прокручивать назад кассету жизни, для того чтобы убедиться, всякий ли раз мы получаем высшее сознание. В самом деле, есть серьезные причины полагать, что эволюция гуманоидов не только не была неизбежной, но и была априори невозможной. Хотя сходимости являются яркой чертой эволюции, имеется достаточно много случаев, когда сходимости заканчиваются неудачей. Эти неудачи менее поразительны, поскольку касаются исчезнувших видов. Вернемся к Австралии. Есть множество типов млекопитающих, для которых нет эквивалентов среди сумчатых. Нет сумчатого аналога летучим мышам (т.е. летающим млекопитающим) или же жирафам и слонам (большим млекопитающим с длинными шеями или носами, которые могут щипать листья деревьев). Иными слова-

ми, Австралия не сумела дать аналога приматам или любым другим созданиям с интеллектом приматоподобных. В самом деле, в Австралии имеется много незаполненных ниш, – а значит, много незавершенных сходимостей, включая эту самую призывную «гуманоидную» нишу. Если высокий разум был таким предсказуемым результатом эволюции, то почему он не возник в Австралии? Почему же он возник только однажды – в Африке?

Это поднимает другой вопрос. Мы распознаем сходимость потому, что разные виды развивают похожие признаки. Но уточненный, самоосознающий разум единичен: он возник однажды, у предка человека. (Осминоги и дельфины тоже смышленные, но у них нет субстанции для размышления о своем собственном происхождении.) В противоположность этому, глаза возникали независимо около 40 раз и несколько раз в Арктике появлялись животные с белой окраской. Трудно представить убедительный случай эволюционной неизбежности появления некоторого свойства, которое возникло лишь один раз. Туловище слона, являющееся результатом сложного и тонкого приспособления (у него 40 тыс. мускулов!) также эволюционно единично. И все же вы не услышите от ученых, что эволюция должна неизбежно занять «слоновую нишу». Гиберсон и Миллер провозглашают неизбежность появления гуманоидов по одной причине: того требует христианство.

Наконец, совершенно очевидно, что эволюция человеческого разума была случайным событием – обусловленным высыханием африканского леса и наступлением степи, что заставило человекообразных обезьян покинуть деревья и встать на две ноги. В самом деле, для того чтобы утверждать, что возникновение человека было неизбежным, вы также должны утверждать, что эволюция приматов была неизбежной, что возникновение млекопитающих было неизбежным – и так далее в отношении десятков предков человека, появление которых следует считать неизбежным. Это приводит ко все меньшим вероятностям возникновения человека. В итоге на вопрос о неизбежности появления человекоподобных существ можно ответить лишь так: мы просто не знаем, – и добавить, что большая часть научных данных не дает ответа на этот вопрос. А другие ответы подпадают под рубрику либо желаемого, либо теологии.

Миллер предпочитает теологию. Хотя его новая книга не говорит, каким именно образом Бог обеспечил появление *Homo sapiens*,

в своей предыдущей книге «В поисках дарвиновского Бога» он более детален в этом отношении. Здесь он предположил, что неопределенность, происходящая из квантовой механики, позволила Богу вмешаться на уровне атомов, что привело к влиянию на события в большем масштабе: «Неопределенность, происходящая из природы квантовых событий, могла бы позволить умному и пронизательному Богу повлиять на события самым фундаментальным образом, который, однако, не может быть обнаружен научным путем. Эти события могли бы включать появление мутаций, активацию индивидуальных нейронов в мозгу и даже выживание индивидуальных клеток и организмов, подвергнувшихся радиоактивному излучению».

Другими словами, Бог есть Движитель Электронов, сознательно делающий свое вмешательство в природу столь тонким, что оно просто невидимо. Приходишь в замешательство от того, что Миллер, который выступил с наиболее технически пронизательной аргументацией против несводимой сложности, мог в итоге кончить тем, что навязал Богу микроредакцию ДНК. Эта аргументация на самом деле тождественна аргументации Майкла Бее, защитнику РУ, против которого Миллер свидетельствовал в суде в Харрисбурге. Это еще один аргумент от «Бога белых пятен», за исключением того, что в этот раз белые пятна очень малы.

Миллер выдвигает еще один аргумент, используемый креационистами и теистами в качестве доказательства небесного замысла, – так называемый аргумент «тонкой настройки вселенной». Оказывается, что существование вселенной, которая допускает жизнь, как мы знаем, весьма существенным образом зависит от величины определенных констант в физических законах. Если бы, например, заряд электрона был немного другим, или же разница масс между протоном и нейтроном была слегка больше, или другие константы варьировали больше, чем на несколько процентов, вселенная была бы другой во многих важных отношениях. Звезды не могли бы жить достаточно долго, для того чтобы могла возникнуть жизнь, и не могло бы возникнуть солнечных систем, и во вселенной не было бы достаточно элементов и сложных химических соединений, необходимых для создания организмов. Другими словами, мы населяем то, что именуется «вселенной лютика золотистого», где законы природы в точности таковы, чтобы позволить возникновение и развитие

жизни. Это наблюдение иногда называется «антропным принципом».

На первый взгляд такое объяснение кажется тривиальным. Как замечает Миллер, «беря в качестве отправной точки наблюдение, что я и вы живы, по крайней мере в непосредственном настоящем, можно заключить, что мы должны жить во вселенной, в которой возможна жизнь. Если бы мы не жили, то не говорили бы об этом сейчас. Так что в определенном смысле тот факт, что мы живем в благоприятной для жизни вселенной, значит немного больше, чем простое восклицание “Ого!”». Это верно. Но при этом возникает более глубокий вопрос: почему константы вселенной имеют именно такие благоприятные для жизни величины? Ответ, который дают креационисты, состоит в том, что это не случайно: благодный Бог (или разумный создатель) скроил физические законы точно таким образом, чтобы во вселенной могла возникнуть разумная жизнь – такая жизнь, которая могла бы сформулировать эти законы и, что более важно, осознать существование их создателя. Этот ответ, известный как сильный антропный принцип, непроверяем в научном понимании, но звучит столь разумно, что стал одним из главнейших орудий в креационистском арсенале. (Важно иметь в виду, что антропные принципы касаются условий, которые требуются для существования *любой* жизни, и ничего не говорят о неизбежности сложной и разумной жизни.)

Кроме того, у ученых есть другие объяснения, основанные скорее на разуме, нежели на вере. Вероятно, в один прекрасный день, когда мы будем иметь «теорию всего», объединяющую все силы физики, мы увидим, что эта теория предполагает именно те величины физических констант, которые мы и наблюдаем. Существуют также интригующие теории «множественных вселенных», обращающиеся к идее существования множеств вселенных, в каждой из которых есть свои различные физические законы, при этом мы могли бы появиться только в такой вселенной, в которой допускается жизнь. Физик Ли Смолин выдвигает восхитительную версию теории «множественных вселенных». Проводя параллель с естественным отбором среди организмов, Смолин предположил, что физические константы вселенных действительно возникают через нечто вроде «космологического отбора» среди вселенных. Оказывается, что каждая черная дыра (а в нашей вселенной их насчитываются миллионы) может дать начало новой вселенной и эти новые вселенные могут

иметь физические константы, отличающиеся от констант вселенных-предшественников. (Это аналогично мутациям в биологической эволюции.) И вселенные с физическими константами, близкими к тем, какие мы сейчас наблюдаем, оказываются более продуктивными в производстве черных дыр, которые, в свою очередь, производят больше вселенных. (Это напоминает естественный отбор.) По ходу этого процесса популяция вселенных обогащается теми вселенными, которые имеют подходящие свойства для производства звезд (источник черных дыр), планет и жизни. Теория Смолина невероятно усиливает тезис о случайности происхождения жизни.

Идея множественности вселенных может показаться отчаянным шагом – мячом, брошенным физиками на последней минуте матча и отбитым религиозными объяснениями. Но физика полна идеями, которые полностью противоречат интуиции, и теории множественности вселенных вполне встраиваются в ряд идей физики. Они представляют собой попытки физиков дать натуралистическое объяснение тому, что другие считают свидетельствами замысла. Для многих ученых множественность вселенных кажется более разумной идеей, чем солипсистское предположение о том, что наша собственная вселенная с ее 10 000 000 000 000 планетами создана 15 млрд лет назад именно для того, чтобы на одной из этих планет возник вид млекопитающих.

И все же Миллер, по-видимому, предпочитает теологическое объяснение или, по крайней мере, придает антропному принципу теологический поворот: «Научное прозрение относительно того, что само наше существование – посредством эволюции – требует, чтобы размер, масштаб и возраст вселенной были именно такими, какие мы наблюдаем, предполагает, что вселенная в определенном смысле имела нас в виду с самого начала... Если эта вселенная и в самом деле была «нацелена» на человеческую жизнь, тогда только и остается сказать, с теистической точки зрения, что каждый из нас есть результат мысли Бога, вопреки существованию естественных процессов, которые дали нам начало».

Миллер уравнивает религиозную веру с «верой» физиков в натуралистическое объяснение физических законов: «Верующие... вправе напомнить скептикам и агностикам, что одно из любимых ими объяснений природы нашего существования включает элементы воображения столь же буйного, как и воображение в любом сказании священной книги, а именно, представление о существовании

бесчисленных параллельных вселенных, с которыми мы никогда не сможем связаться и существование которых мы никогда не сможем проверить. Такое убеждение также требует экстраординарного уровня “веры”, которую должны допустить в той же мере и неверующие».

Что же, физики как раз не допускают этого «в той же мере». В противоположность утверждению Миллера, существование множественности вселенных не требует скачка веры столь же большого, какой имеет место при воображении Бога. И некоторые научные объяснения антропного принципа проверяемы. В самом деле, некоторые предсказания теории Смолина уже подтверждены, что добавляет им правдоподобности. Она может быть неверна, но через десяток лет мы узнаем об антропном принципе больше. Между тем просто неверно утверждать, что предлагаемая предварительная и проверяемая научная гипотеза (а не «вера») эквивалентна религиозной вере.

IV

Самый общий способ гармонизации науки и религии состоит в том, чтобы объявить их взаимодополняющими путями понимания мира. То есть имеются различные «истины», предлагаемые наукой и религией, которые будучи взятыми вместе, отвечают на любой вопрос о нас самих и о вселенной. Гиберсон объясняет: «Я боюсь, что научный прогресс очаровал нас настолько, что мы полагаем, что в мире не осталось ничего, что мы не можем понять. Наука получила от материалистической парадигмы столько, сколько хотела. Материя в движении, столь элегантно описанная Ньютоном и его последователями, может быть не самым лучшим способом понимания мира... Я полагаю, однако, что мы начинаем понимать, что наука не является всеобъемлющей. Наука обеспечивает лишь частичные прозрения, которые, несмотря на всю их мощь, не отвечают на все вопросы».

Обычно вопросы, которые считаются выходящими за пределы науки, – это вопросы о смысле, цели и морали. В одной из своих последних книг «Камни веков: Наука и религия о полноте жизни», Стивен Джей Гулд называет это примирение NOMA – «non-overlapping magisterial» (непересекающийся суд): «Наука пытается документировать фактический характер естественного мира и разра-

ботать теории, которые соотносят эти факты и объясняют их. Религия, с другой стороны, оперирует в равно важной, но совершенно иной области человеческих целей, смысла и ценностей – тех вещей, которые наука может осветить, но никогда не сможет понять». Гулд предлагает это не в качестве утопического видения, но в качестве реального объяснения того, почему наука и религия не пересекаются. Как разрешение нашего затруднения это не самый лучший вариант. Такой подход игнорирует конфликт между наукой и религией в духе плюрализма. Гулд спасает свою идею посредством переопределения своих терминов (опять-таки старый трюк), расписывая креационизм как «неправильную религию» и определяя секулярные источники этики, смысла и ценностей как «фундаментально религиозные».

Решение проблемы в духе NOMA не проходит по другим причинам. Вопреки заявлениям Гулда, сверхъестественные явления не находятся полностью за пределами науки. Все ученые могут размышлять об определенных наблюдениях, которые могли бы убедить их в существовании Бога или сверхъестественных сил. В письме американскому биологу Эйзе Грею Дарвин заметил: «Ваш вопрос о том, что могло бы убедить меня в существовании Творца, для меня затруднителен. Если бы я увидел ангела, пришедшего учить нас добру, и другие люди убедили бы меня, что созерцание ангела не есть результат моего сумасшествия, я должен был бы поверить в творение. Если бы меня можно было вполне убедить, что жизнь и разум каким-то неизвестным способом являются функцией какой-то другой непостижимой силы, я согласился бы с этим. Если бы человек был сделан из бронзы или железа и никак не был бы связан ни с одним другим из когда-либо живших организмов, я, возможно, поддался бы убеждению. Но все это детский лепет».

Подобным же образом, если бы Иисус ростом в триста метров появился перед жителями Нью-Йорка, как он, предположительно, явился евангелисту Оралу Роберту из Оклахомы, и это явление было бы убедительно документировано, большинство ученых пали бы на колени.

Ученые и в самом деле опираются на материалистическое объяснение природы, но важно понимать, что это не является априорной философской приверженностью. Скорее, это наилучшая исследовательская стратегия, возникшая в ходе нашего долгого исследования природы. Было время, когда Бог был частью науки. Ньютон

считал, что его физические исследования помогают прояснить Божественный план. Так же думал и Линней, шведский ботаник, который создал используемую нами сегодня схему классификации видов. Но на протяжении столетий исследований мы поняли, что идея «Бог сотворил это» никогда ни на йоту не продвигала вперед наше понимание природы, и в этом причина того, что мы оставили эту идею. В начале XIX в. французский математик Лаплас преподнес Наполеону экземпляр своей великой пятитомной работы «Небесная механика». Поняв, что в этом труде не упоминается Бог, Наполеон поддел его: «Месье Лаплас, мне говорят, что Вы написали эту огромную книгу о системе вселенной и при этом не упомянули ее Творца». Лаплас ответил резкой и знаменитой фразой: «Я не нуждаюсь в этой гипотезе». И с тех пор ученые в ней не нуждаются.

Совершая обычную ошибку, Гиберсон смешивает стратегический материализм науки с абсолютной приверженностью к философии материализма. Он говорит, что «если бы горе Рашмор появился лик Иисуса с именем Бога под ним, геологи по-прежнему пытались бы объяснить этот любопытный феномен как невероятный побочный продукт эрозии и тектоники». Нонсенс. Есть множество феноменов, которые могли бы говорить о присутствии Бога или других сверхъестественных сил: хилеры, которые возвращают слепым зрение, у добродетельных людей могла произойти ремиссия рака, мертвые могли воскресать, в небе могли появиться ангелы. Тот факт, что не существует документированных свидетельств таких событий, добавляет нам уверенности в том, что мы на правильном пути в естественном объяснении природы. И это объясняет то, почему многие ученые, которые научились не принимать Бога в качестве объяснения, отказались от него и в качестве возможности.

Это приводит нас ко второй причине, почему не проходит объяснение Гулда. Конечно, неплохо заявлять, как он это и делает, что религия ничего не утверждает о природе, но на практике это не так. Из тысяч религиозных течений на нашей планете только немногие не разделяют догм, суть которых состоит в эмпирических утверждениях о мире. Вот некоторые из них. Иисус был рожден непорочной девой, а после распятия воскрес. После смерти Марии ее физическое тело было перенесено на небо. Пророк Магомет вознесся на небо на белом коне. После смерти каждое существо возрождается в другой форме. Бог Брахма возник из лотоса, который вырос из пупка Вишну, и по приказу Вишну сотворил вселенную. Бог слушает

молитвы и отвечает на них. У племени инуитов морские животные произошли от отрубленных пальцев бога Седна.

Это все догмы. Для того чтобы увидеть, во что верят люди, рассмотрим цифры: более 60% американцев верят в чудеса, непорочное зачатие Иисуса, его божественность и воскрешение (Гиберсон и Миллер среди них), в жизнь после смерти, в существование ада и Сатаны. Независимо от того, что говорят либеральные теологи, большинство из нас не являются деистами или унитарийцами. И если вы думаете, что американцы воспринимают Библию как метафорическую поэзию, я приглашаю вас посетить любую евангелистскую церковь на Аляске или в Чикаго.

Многие религиозные представления могут быть проверены научно, по крайней мере в принципе. Хилерство вполне подходит для такой проверки. И раз за разом хилеры этих проверок не выдерживают. После осмотра предметов, оставленных в Лурде, Анатолий Франс заметил: «Все только трости, подпорки и костыли, и ни одного глаза, деревянной ноги или парика!». Если Бог может вылечить рак, почему Он бессилен перед слепотой или ампутированной конечностью? Недавние научные исследования молитв о заступничестве, когда больные не знают о том, что за них молятся, не показали никаких признаков того, что молитвы срабатывают. У нас также нет научно строгих доказательств чудес, несмотря на требование Ватикана, что для канонизации каждого святого требуется два чуда. Священные реликвии, такие как Туринская плащаница, оказываются искусными подделками. Нет подтвержденных данных того, что кто-либо говорил из могилы. А что сказать о тех «серьезных» чудесах, которые совершались Христом, Буддой или Магометом? Нас не было там, так что мы не можем их проверить. Но по крайней мере мы можем применить к ним те же самые критерии, какие применяем к другим утверждениям Библии или Корана.

Подобно Гиберсону, Миллер отвергает буквальную интерпретацию Библии. Рассмотрев данные об ископаемых, он признает, что «буквальное понимание Книги Бытия просто научно несостоятельно», заключая при этом: «Теология не претендует и не может претендовать на то, чтобы быть научной, но может требовать от себя совместимости с наукой и диалога с ней». Но это ведет к загадке. Зачем отвергать историю о сотворении мира и Ноеве ковчеге, зная об эволюции животных, и в то же время принимать непорочное зачатие и воскрешение Христа, если то и другое противоречит науке?

В конце концов, биологические исследования говорят о невозможности зачатия неполовым путем или же воскрешения через три дня после смерти. Ясно, что Миллер и Гиберсон, подобно другим американцам, разделяют теологические взгляды, которые отнюдь не «совместимы с наукой».

В чем тогда состоит природа «религиозной истины», которая, по предположению, дополняет «научную истину»? Первое, что мы должны спросить: в каком смысле, если есть таковой, утверждения религии являются «истинами»? Истинность влечет за собой возможность ложности, и поэтому мы должны иметь способ установления того, являются ли религиозные истины ложными. Но в отличие от научных истин религиозные различаются у разных людей и у разных религиозных течений. И все мы знаем, что есть явные противоречия между «истинами» различных вер. Христианство недвусмысленно провозглашает божественность Иисуса, и многие утверждают, что дорога к спасению полностью зависит от принятия этого утверждения, в то время как Коран однозначно утверждает, что всякий, признающий божественность Иисуса, проведет вечность в аду. Эти требования не могут быть одновременно истинными, по крайней мере если не впадать в интеллектуальное противоречие.

Утверждения о природе Бога также различны в разных религиях. Гиберсон объясняет, например, что «вековые размышления христиан о природе Бога высвечивают различные характеристики Бога: справедливость, любовь, доброту, святость, благость, верховенство и т.д.». Но в других верах Бог может быть мстительным, как Яхве в Ветхом Завете. Евреи не могут вообразить себе воскрешенного Бога, или Слова, творящего плоть. Индийцы, подобно древним грекам, принимают множество богов с различными характеристиками. Для деиста Бог апатичен, а во всех монотеистических верах многие теологи говорят, что мы ничего не можем знать об атрибутах Бога. Так какая из этих многих характеристик «истинная»? Все объявленное «истиной» должно сопровождаться способом ее опровержения – методом, который не зависит от личного откровения. В конце концов, у тысяч людей были ложные откровения «истин» с ужасающими последствиями.

Вероятно, то, что мы имеем в виду под «религиозными истинами», суть «моральные истины», например «не возлюби жену ближнего своего». Эти правила не подлежат эмпирической провер-

ке, но они полагаются верными или неверными в разумном смысле. Однако почти для каждой «истины» вроде упомянутой имеется другая, в которую верят столь же искренне, – например, «совершившую измену супругу следует забить до смерти камнями». Это требование встречается не только в исламском религиозном праве, но также и в Ветхом завете. (Кстати, по-видимому, неправильно называть эти истины религиозными. Начиная с Платона философы убедительно показывали, что наша этика шла не от религии, а от секулярной морали, которая развивается в разумных, социально взаимодействующих созданиях и просто помещается в религию, для того, чтобы было удобно цитировать ее положения).

Итак, существует фундаментальное различие между научными и религиозными истинами, как бы ни понимать эти истины. Различие основывается на том, как вы отвечаете на один-единственный вопрос: *как я могу знать, что я неправ?* Коллега Дарвина Томас Гексли заметил: «...Наука представляет собой упорядоченный здравый смысл, где не одна прекрасная теория была убита безобразным фактом». Как и в случае любой научной теории, существует много потенциально безобразных фактов, которые могли бы убить дарвинизм. Двумя такими фактами могли бы быть следующие: если бы в одних и тех же местах встречались ископаемые останки людей и динозавров и если бы существовали адаптации у одного вида, дающие преимущество совсем другому виду. Но поскольку таких фактов не обнаружено, мы продолжаем полагать эволюционный взгляд истинным. С другой стороны, религиозные представления неподвластны безобразным фактам. В самом деле, они продолжают сохраняться, несмотря на такие факты, например беспомощность молитвы. Нет возможности сделать окончательный вывод относительно конфликтующих религиозных истин, как это делается в отношении конкурирующих научных объяснений. Большинство ученых могут сказать вам, какие свидетельства могли бы убедить их в существовании Бога, но я никогда не встречал верующего человека, который бы сказал, что могло бы убедить его в том, что Бога не существует. И что вообще могло бы убедить людей отказаться от веры в то, что божество есть добро, любовь и справедливость? Если это не сможет сделать Холокост, то ничто не может тут помочь.

V

Гиберсон и Миллер – люди вдумчивые и добросовестные. При чтении их работ есть ощущение того, что они искренне убеждены в том, что написали, в отличие от многих других креационистов, которые, руководствуясь своей верой, бесстыдно отрицают явные факты, касающиеся природы. Обе книги этих авторов достойны того, чтобы их прочитали: Гиберсон интересен в изложении споров креационистов и эволюционистов, а Миллер – в своей ясной аргументации против идеи разумного устройства. И все же в конце концов они терпят неудачу в попытках достичь долгожданного единения эволюции и веры. И этой неудачей они обязаны той же самой причине, по которой вообще терпят неудачу люди: истинная гармония между наукой и религией требует либо отказа от существующих религий в пользу размытого деизма, либо загрязнения науки не необходимыми, непроверяемыми и неразумными утверждениями из области духовного.

Хотя сами Гиберсон и Миллер считают себя противниками креационизма, в изобретении способов совмещения науки и религии они в конце концов сходятся со своими оппонентами. На самом деле они демонстрируют по крайней мере три из четырех отличительных особенностей креационистов: верят в Бога, во вмешательство Бога в природу и в особую роль Бога в эволюции человека. Возможно, они проявляют и четвертую особенность креационизма, а именно, веру в несводимую сложность, предполагая, что душа не могла возникнуть, а вложена в человека Богом.

Гиберсон, отказываясь признавать активное участие Бога в жизни, тем не менее, убежден в том, что устройство на нашей Земле спланировано. «Почему так приятно пение птиц? Почему, например, почти каждая сцена дикой природы, от горных озер до расстилающихся прерий, кажется столь прекрасной? Если бы эволюция нашего вида направлялась исключительно соображениями выживания, как бы мы тогда приобрели наше богатое чувство природной эстетики? ...В природе присутствует художественный аспект, который всегда, что меня больше всего поражает, упускается из виду при чисто научном подходе. Меня привлекает идея, что присутствие Бога заключается не в инженерных чудесах естественного мира, а в чудесной способности к творчеству и эстетической глубине. Ученые

предпочитают не говорить о Боге в этом духе, потому что при этом возникают вопросы, на которые они не могут ответить».

Это скорее не разумное устройство, устройство эстетическое, но все же устройство. И оно игнорирует научные объяснения, такие как теория «биофилии» Э.О. Уилсона, которая предполагает, что мы эволюционировали до такой степени, чтобы считать озера и прерии прекрасными по той причине, что они давали нашим предкам пищу и обеспечивали им безопасность.

Ни Миллер, ни Гиберсон не говорят нам, при каких обстоятельствах они были бы вынуждены отказаться от своей веры в личного Бога. По сути дела, Гиберсон говорит, что он не может быть неправ: «Как верующий в Бога, я убежден заранее, что мир не случаен и что некоторым таинственным образом наше существование – это “ожидаемый” результат. Никакие данные не рассеют этого убеждения. Таким образом, я не рассматриваю естественную историю как источник данных для определения того, имеет ли мир цель или нет. Скорее мой подход состоит в предвкушении, что факты естественной истории будут совместимы с целью и смыслом, которые я ощущаю повсюду. И мое понимание науки никоим образом не заставляет меня отказаться от этого убеждения».

Это говорит креационист – говорит просто и ясно. Ни один настоящий ученый не скажет, что его теории неуязвимы к опровержению. И поэтому способ примирения, который видит для себя Гиберсон, каким бы поучительным он ни был для него самого, не может быть интеллектуально убедительным для всех остальных.

Помимо аргумента об «эстетическом замысле», Гиберсон выдвигает еще одну причину для своей веры, – мы могли бы назвать это аргументом от удобства. «В чисто практическом плане у меня есть убедительные причины верить в Бога. Мои родители были убежденными христианами, и отвергнуть эту веру было бы для меня разрушительным. Моя жена и мои дети верят в Бога, и мы вместе регулярно посещаем церковь. Большинство моих друзей – люди верующие. Я получил работу в прекрасном Христианском колледже, и мне пришлось бы оставить его, если бы я отказался от веры, на которой зиждется миссия колледжа. Отказ от веры в Бога был бы для меня разрушительным, полностью испортил бы мне жизнь».

Это трогательное признание раскрывает печальную иррациональность всего предприятия – показывает деморализующий конфликт между личной потребностью верить и отчаянной попыткой

продемонстрировать, что эта изначальная потребность полностью совместима с наукой.

Таким образом, получается, что невозможно быть в одно и то же время верующим и ученым. Такой синтез потребовал бы, чтобы одной частью вашего мозга вы допускали вещи, которые могут быть проверены и подтверждены общепризнанными фактами, логикой, разумом, а другой частью мозга принимали вещи, которые ничем не подтверждаемы и даже не фальсифицируемы. Другими словами, цена философской гармонии состоит в противоречивости познания. Принимая и науку, и традиционную веру, вы оказываетесь с двойными стандартами: вы рациональны относительно свертывания крови и иррациональны относительно Воскрешения, рациональны в отношении динозавров и иррациональны в отношении непорочного зачатия. Не имея добротных оснований, Гиберсон и Миллер выбирают то, во что они верят. Креационисты – сторонники идеи молодой Земли по крайней мере последовательны, потому что включают в свои объяснения сверхъестественные причины. В обычном для себя стиле физик Ричард Фейнман охарактеризовал различие, о котором идет речь, таким образом: «Наука есть попытка не дать одурачить себя. Первый принцип состоит в том, что нельзя позволять себя одурачить, а одурачить вас легче легкого». В религии же нет никакого способа узнать, не одурачены ли вы.

Поэтому самый важный конфликт (который игнорируют Гиберсон и Миллер) – это не конфликт между религией и наукой, а конфликт между религией и секулярным мышлением. Секулярное мышление включает в себя науку, но в него входят также моральная и политическая философия, математика, логика, история, журналистика и социальные науки – все области, которые требуют от нас серьезных причин для веры во что-то. Здесь я не говорю, что все веры целиком несовместима с наукой и секулярным мышлением, – я имею в виду только те веры, в которых утверждения относительно природы вселенной откровенно противоречат научным наблюдениям. Пантеизм и некоторые формы буддизма, похоже, проходят этот тест. Но огромное большинство верующих – те 90% американцев, которые верят в личного Бога, большая часть мусульман, иудеев и индуистов, а также последователи сотен других вероисповеданий подпадают под категорию «несовместимых».

К несчастью, некоторые теологи со склонностью к деизму, по видимому, полагают, что они вещают для всех верующих. Это кри-

тики, которые ниспровергают Докинза и его коллег за то, что те не принимают во внимание каждый тонкий теологический аргумент о существовании Бога и не желают вступать в дискуссии по поводу сложной истории теологии. В частности, Докинза обвиняли за его книгу «Заблуждение Бога», говоря, что эта книга для обывателей со средним умишком. Но при этом упускается из виду суть дела. Докинз и в самом деле написал книгу для людей со средним интеллектом, но именно по той причине, что он обсуждает в ней религию, практикуемую реальными людьми. Причина, по которой многие либеральные теологи считают совместимыми религию и эволюцию, состоит в том, что их теология не только чужда большинству американцев, но и не распознается ими как религия.

Статистика подтверждает эту несовместимость. Например, в обследованных 34 странах мы видим статистически сильную отрицательную связь между степенью веры и принятием эволюции. Для таких стран, как Дания, Франция, Япония и Великобритания характерны высокая степень принятия дарвинизма и низкий уровень веры в Бога. Противоположная ситуация наблюдается в таких странах, как Болгария, Латвия, Турция и Соединенные Штаты. И внутри Америки ученые как группа менее религиозны, чем люди, не принадлежащие к этой группе. Это не значит, что такая статистика может решить исход философских дебатов. И дело не в том, значит ли это, что принятие науки приводит к разложению религиозной веры или же что вера разлагает науку. (Оба процесса имеют место.) Статистика показывает, что люди не готовы принимать оба фактора – веру и науку одновременно. И если принять во внимание суть соответствующих мировоззрений, результат не вызывает удивления.

Эта дисгармония в научных кругах является маленьким грязеньким секретом. В наших личных и профессиональных интересах провозгласить, что наука и религия полностью совместимы. В конце концов, мы хотим получать гранты от правительства, и хотим, чтобы нашим школьникам преподавали научные знания, а не креационизм. Либерально настроенные верующие являются важными союзниками в нашей борьбе против креационизма, и не очень-то хорошо отталкивать их заявлениями о наших чувствах. Именно по этой тактической причине представители таких групп, как Национальная академия наук, утверждают, что наука и религия не конфликтуют. Но их главное доказательство – наличие религиозных ученых становится менее весомым по мере того, как ученые все громче заявляют

об отсутствии у них веры. У нас сейчас Год Дарвина, и мы можем ожидать, что появится еще больше книг авторов типа Миллера и Гибберсона. Попытки примирить Бога и эволюцию не удерживаются на интеллектуальном уровне, и эти попытки будут продолжаться, поскольку примирение не срабатывает.